

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Вера ХАРЧЕНКО

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ:
семейные нарративы
75-летней давности,
фрагменты истории, судьбы

Чем дальше уходит в прошлое война, чем меньше и меньше остается живых ветеранов, тем острее память, родовая память о тех событиях, запечатленных частично в документах и письмах, но большей частью в рассказах, которые памятливы близким, но которые, к сожалению, неминуемо забываются. Но война парадоксально становится все актуальнее! И здесь задействованы как положительные, так и отрицательные внешние причины. С одной стороны, это дивный Бессмертный полк, с каждым годом набирающий обороты, когда каждая семья несет на транспарантах портреты и фотографии своих предков, воевавших за Родину и отдавших за нее свои жизни. И каждый участник шествия, конечно же, сожалеет, что раньше не было такого скорбного, но и такого великого шествия. Знакомые люди, а подчас и совершенно незнакомые повествуют окружающим о людях, защищавших и защитивших страну. С другой стороны, сейчас все более активизируются политические причины: пересмотр позиции Советского Союза, стремление ряда государств, обелив врагов, осуществить «переворот» в восприятии военной истории, переделать границы государств. И если раньше внутрисемейные рассказы о войне были, по существу, достоянием семьи, то теперь все это наиважнейшая часть нашей общей, нашей большой, нашей священной истории, которой не могут помешать тысячи причин ее «пересмотра».

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

Собирая архив семейных родословных (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г.), мы не предполагали, что фрагменты этих текстов станут столь актуальными в год 75-летия Победы. Писались они как свободные сочинения, и авторами были слушатели Белгородского филиала Орловской академии государственной службы. В материалах, которые далее будут представлены, нет ничего придуманного, все это законсервированная память семьи, да и писались они достаточно давно — в 2002 году, лишь некоторые фрагменты датированы 2003 и 2006–2008 годами. Причем война входила в общий срез истории рода, но входила она, пускай скуными, но, однако, весьма и весьма яркими трагедийными нотами.

В 1943 году во время боев на Курской дуге на минутку он забежал домой повидаться с детьми и женой. Это было последнее свидание. Прадед пропал без вести на Курской дуге (О. Л.).

В 1943 году под городом Сумы погибает отец, он был разъездной связист, бомба взорвалась прямо под телегой (Ж. З.).

В нашей семье трепетно относятся ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Оба моих дедушки воевали. Отец мамы Литвинов Михаил Николаевич был ранен в левую руку и пришел инвалидом третьей группы. Отец папы Пархомов Иван Александрович потерял левую руку до плеча. После войны оба работали в колхозе (Е. П.).

«Мы так устали, что ноги не держали, вот и расположились кто где. Я лег прямо на сухие ветки камыша, а мой друг стал располагаться напротив меня. Обернувшись, он еще сказал: „Пенек!“ и присел на него. Тут взрыв... Очнулся я в госпитале, ничего не понимая. Мне стали объяснять, что за пенек погибший принял противопехотную мину. Я сразу спросил, а как же мой друг?» Эпицентр взрыва был от деда метрах в двух, и дед получил множество осколочных ранений. Был поврежден левый глаз, а самый главный осколок остановился в нескольких миллиметрах от сердца. Всю оставшуюся жизнь он беспокоил дедушку (Д. Ю.).

В 1943 году Прасковья во время Курской битвы спасалась в погребе. Выбегала, чтобы посмотреть домик. Любой огонек и — соломенная крыша вспыхнет мгновенно. Выскочив в очередной раз, она увидела в конце огорода парашютиста. Преодолевая страх, подошла к нему. Это был советский летчик. Зачем привела его к себе? В соседнем доме жили немцы, им прислуживали полицаи русские. Вот загадка русской православной души! Паша передела летчика в одежду мужа, довести в безопасное место поручила младшему брату Николаю. Летчик шел позади Коли, уже выходили на шлях, когда полицай окликнул незнакомца. У колодца стояли немцы. Полицай указал на неизвестного ему человека. Коля успел оглянуться, и в это время прогремел выстрел (А. Б.).

Газеты, военные очерки... Мы многое узнавали из них, но более ценными всегда оказывались личные, домашние рассказы. Повторенные неоднократно, эмоционально пережитые всей семьей, они воспринимались как живые свидетельства прошлого, которому пятнадцать, двадцать, двадцать пять... и в этом году уже более семидесяти пяти лет.

Вышел указ расстреливать всех мальчиков в селе. Карательный отряд ходил из дома в дом с проверкой. Наталье Даниловне ничего не оставалось, как спрятать детей. За домом был вырыт окоп, в котором она с детьми пряталась от бомбежки. Наталья Даниловна спрятала детей в этом окопе, закидала ветками, строго-настроено

наказала им молчать и засыпала землей. Дети сидели тихо, когда немцы пришли во двор и стали осматривать все сараи и подвалы. Единственным желанием Натальи Даниловны в тот момент было, чтобы дети ни в коем случае не закричали. <...> Всего в нескольких шагах от окопа ходил немец и мог провалиться в эту яму, и тогда весь обман бы раскрылся, но этого не произошло. Когда немцы ушли со двора, Наталья Даниловна вытащила детей, которые не узнавали свою мать. Она в свои двадцать шесть лет стала абсолютно седой (С. М.).

Ее брат Николай Иванович в войну был пограничником, и в первые дни войны попал в плен и пережил семь концлагерей: Майданек, немецко-фашистский концлагерь вблизи г. Люблин (Польша), Маутхаузен, немецко-фашистский концлагерь близ г. Маутхаузен (после войны на месте Маутхаузена создан музей), Освенцим — город на юге Польши, на р. Сола, Вельское воеводство (на территории бывшего концлагеря создан музей «Освенцим-Бжезинка»), Бухенвальд, немецко-фашистский концлагерь близ Веймара и другие немецко-фашистские концлагеря. А ее отец Иван Васильевич охранял немецких военнопленных (Е. О.).

Когда дед выпивал, он, как правило, начинал вспоминать про войну, как он воевал, изредка пересыпая свой рассказ крепким словом, при этом у него по щекам катились слезы. Помню, что рассказывал он о том, что погибло много людей, воевавших рядом с ним, что сам он остался жив каким-то чудом. Иногда их заставляли идти в атаку на вражеские пулеметы совсем без оружия с криком «Ура!» и «За Сталина!», рассчитывая, что они по ходу подберут оружие недавно погибших солдат. По его рассказам, воевал он в Белоруссии, Литве, Польше и Германии (К. Ш.).

Когда дед выпивал... Рассказывать можно было не все. Да, и родословные хранят некоторые свидетельства столь вынужденного молчания.

В 1940-м году, когда уже все пахло войной, Якову Ивановичу Круглякову пришла повестка из военкомата. Мужчин мобилизовали рыть окопы и строить заграждения. Говорят, что он не взял с собой никаких вещей, только документы, ведь уходил на несколько дней. С тех пор его никто и никогда не видел. Никто не знает, что с ним случилось. Его жена, Круглякова Пелагея Андреевна, искала мужа, писала какие-то запросы, ходила по военкоматам. Однажды ее попросили успокоиться и никуда не лезть. Теперь я могу себе представить, как ее об этом попросили. Кстати, моя мама узнала судьбу своего деда только в девяностых годах. До этого она была уверена, что он умер от сердечного приступа. «Бабушка, — ужаснулась я, — почему же ты ничего не рассказала маме раньше?» — «Время было такое...» (Е. К.).

Очень тяжелая жизнь была у людей после войны, когда росли наши бабушки и дедушки. Они очень мало о себе рассказывали своим детям и внукам, боясь последствий; такое было время — время молчания (Т. В.).

Когда началась Великая Отечественная война, подался в партизаны, истоптал все псковские и брянские леса. Может быть, и на его судьбу выпало немало героического, но о себе он всегда стеснялся говорить. Вот что он мог сказать: «Да что тут рассказывать! Бродили по лесам да вредили фашистам, как могли. Встретим немца — убьем, встретим танк — взорвем!» — смеялся и уходил (С. И.).

Так уж получилось, что о семье папиных родных я знаю очень мало. Дедушка — Бирюков Виктор Николаевич родился в 1924 году в городе Короча. В 1942 году ушел на фронт вместе с частями Красной армии. После окончания артиллерийских курсов стал командиром гаубичной батареи. Закончил войну в Будапеште, получил ранение, освобождая королевский дворец. Умер он в 1994 году, так и не рассказав нам,

внукам, о своем боевом пути. Да и папа мой немного может рассказать: не любил дед вспоминать о войне. Только рубцы от старых ран не давали покоя (М. Б.).

Молчание усиливало тяжесть переживаемого горя. В статье Г. Гусейнова «Язык и травма освобождения»¹ говорится, что горе надо пережить, рассказывая о нем. «Культура преодоления травмы через глубокое повествование о ней пришла на смену идеологии «преодоления прошлого» относительно недавно»². Тем и ценны родословные, что открывают нам маленькие окна в то великое и скорбное время, которое именуется Великой Отечественной войной. Помнится, в частности, самое начало войны, страшный слом привычной жизни.

Первыми фашистов 22 июня 1941 года встретили пограничники <...> пулеметный взвод старшины П. С. Семенова сделал все, что мог, и четыре часа удерживал фашистов у пограничной заставы, пока 80 % пограничников не погибло. Мой дед, тяжело раненный — у него пулеметным огнем были перебиты обе ноги — более пятнадцати километров полз до того момента, пока не встретил красноармейцев. Потерял много крови, очнулся уже в эвакогоспитале, где ему сделали четыре операции (Д. С.).

Дедушка рассказывал, что он отчетливо помнит два дня войны — начало и Победу. Он так описывал начало войны: «Из окна было видно море, легкий туман над ним. Солнце. Мы с ребятами проснулись рано, сидели за книжками. И вдруг за городом забухали пушки, зенитные разрывы в синеве неба, вой самолетов. Самым тягостным и тревожным было в тот день то, что Феодосия, казалось, враз обезлюдела. На улицах только военные» (М. П.).

Память о войне не может угаснуть, потому что в таких экстремальных ситуациях высвечивается онтология человеческих страданий, проходящая через историю семьи. Нечеловеческие, сверхчеловеческие страдания выпадали на долю наших родных: дедов и прадедов, отцов, братьев, матерей, сестер.

Во время выполнения девушкой партийной задачи власовцы арестовали сестру Евдокии Иосифовны Ольгу вместе с подругой. После жестоких нечеловеческих истязаний их закопали живыми, не узнав никаких сведений о подпольщиках. Похоронены отважные девушки в районном центре Володарка. После войны Евдокия Иосифовна за собственные деньги установила им памятник. Подруги, которых нашли в могиле, крепко обнялись в смертные минуты, и так вместе [они] и похоронены в одной могиле... (М. В.).

...В дом к бабушке зашли два немецких солдата и стали требовать еды. Но в доме не было ничего из еды. Она сказала это им, тогда один из солдат вырвал у нее из рук ребенка (грудную девочку) и ударил ее по голове деревянным половником, отчего девочка умерла. <...> Из шести девочек, которых она родила, в живых остались только две (Г. Т.).

Не обошло это горе и мою бабушку. Ее некоторое время держали в плену немцы, после чего она в течение трех лет не разговаривала. Она потеряла дар речи (Е. С.).

В одной из родословных рассказывается, как после войны сказались контузии и множественные раны, дедушка стал сходить с ума и в апреле 1954 года в момент помутнения рассудка или, напротив, в момент просветления повесился. Но гораздо больше

¹ Гасан Гусейнов. Язык и травма освобождения // НЛО, 2008, № 6 (94). С. 130–147.

² Там же. С. 133.

было других примеров. Сколько осталось в памяти рассказов, как люди крепили наперекор бедам, страданиям, смертям!

Когда она умерла, мне было пять лет, но помню ее, милую, теплую, добрую бабулю или «бабуш», как я ее звала, всегда приберегающую для меня что-нибудь сладенькое. Но что пришлось перенести этой хрупкой, маленькой женщине: Первая мировая война, революция, Вторая мировая война. В 1942 году ее с детьми чуть было не повесили немцы как жену председателя колхоза и коммуниста. В 1943 году с фронта вернулся чуть живой, весь израненный старший сын, в 1944 году коммунисты репрессировали мужа. Говорят, характер у бабушки был как сталь, жизнь учила ее быть сильной (Л. Н.).

Боевое крещение получает под Смоленском у Ельни. Он подвозчик снарядов на лошадях. Его задача — доставить снаряды на передовую, а назад — раненых. Дорога, по которой пролегал его маршрут, была немцами пристреляна, и его лошадей все время убивало осколками снарядов. Дедушка чудом оставался жив. А когда лошадей убило в третий раз и он явился пешком в свою часть, то командир грозился отдать его под трибунал, обвиняя в трусости. Скрепя сердце командир разрешил отправиться ему с новыми лошадьми за ранеными, оставленными на дороге. И лишь свидетельства раненых, которых он привез, спасли солдата от сурового военного суда (Н. Ч.).

И в один из налетов ее с детьми полностью завалило землей: недалеко разорвался снаряд, образовав глубокую воронку. Они оказались живо погребенными. Как вспоминает бабушка, большого страха и ужаса в своей жизни она никогда не испытывала. Хорошо, что не была ранена и контужена и сумела трезво оценить, казалось бы, безысходную ситуацию, принявшись, что было сил, раскапывать землю. Она выбралась сама и откопала детей. У них, контуженных и насмерть перепуганных, из ушей и рта шла кровь. Много тогда беженцев погибло. Бабушка дала себе зарок на всю жизнь: раз Бог отвел от них беду, уберег их, она должна без роптаний достойно жить дальше, что бы ни выпало на ее долю (Н. Б.).

Достойно жить дальше, что бы ни выпало на ее долю. Золотые слова, высечивающие внутренний стержень простого советского человека.

За малейшее неповиновение хозяин отправлял на двое-трое суток в подвал, где вода доходила до пояса. Ночи, проведенные в этом страшном подполье, не могли не сказаться на здоровье женщины. Через несколько лет после войны страшные раны начали появляться сначала на одной ноге, затем на второй. А потом была ампутация сначала одной ноги, а потом и второй. Так без ног и жила эта мужественная женщина; чем могла, помогала своей старшей сестре и ее семье. Жалко было смотреть на ее сухое маленькое тело, которое быстро перемещалось летом по огороду. Чистоте и порядку грядки могли бы позавидовать селекционные станции (Е. К.).

В 1942 году в село пришли немцы. Они ходили по дворам и отбирали у местных жителей все, что можно было отобрать. Однажды они пришли в дом к бабушке. Увидев кур, они стали требовать от бабушки яйца. Бабушка отказала им. Тогда они стали жестоко избивать ее. Кое-как бабушка вырвалась и выбежала во двор. Когда она бежала через двор, то провалилась в яму, вырытую для погреба. В это время над ее головой просвистели пули. Вот так волей судьбы она избежала смерти. Через некоторое время она выбралась из ямы и вернулась в избу. Немцы ушли, прихватив кур, а в колыбели плакала дочь. Спустя некоторое время она получила похоронку на мужа, заболела и умерла дочь. Еще позже немцы сожгли дом; хорошо, приютили соседи. Сложным выдался этот год для бабушки, но она не сломалась, продолжала жить. Зимой 1943 года немцы собрали всех местных жителей и погнали копать окопы.

Холодные и голодные люди долбили мерзлую землю. Многие не вынесли таких тяжелых условий. После того как немцы были изгнаны с территории Красненского района, [бабушка] вернулась в деревню и начала все с нуля. Потихоньку построила дом при помощи родственников. После войны она продолжала ждать мужа, не веря в его смерть. Долго ждала, но тщетно (Т. П.).

Говорится, география — это судьба. Сколько их, повествований о Курской дуге! Вот одно из частных свидетельств. Залыгины рассказывали о переселении, «эвакуации» курских соловьев. Интересно, что бои были такими сильными, что даже соловьи «бежали», эвакуировались далеко на восток, в Сибирь, о чем свидетельствовал один окольцованный соловей. И теперь они есть и в Сибири³. Но людям «улетать» было некуда.

Сколько раз ей приходилось очищать детские рты от земли, которая вся была поднята в воздух взрывами. А тут еще горе. Не бомба попала в избу, а наши ее разобрали и подожгли, чтобы сделать дымовую завесу. «Не горюй, — говорят, — мать. Мы тебе новую построим!». Да некому строить было: погибли они все, но не пропустили танки в крестах к Прохоровке. Как притихло, все выбрались и не узнали всего. В пойме речки, в болоте горы танков. Все огороды гусеницами перепаханы. А ведь она закопала там самое ценное: документы и вещи. Ничего не нашли. Жили у родни. Она и пятеро детей. Ждали отца. В 1944 году пришло письмо, что ранен, скоро приеду. А потом пришло другое письмо, где было написано: «Ваш муж Гридчен Василий Петрович скончался от ран в госпитале г. Махачкала»<...> Своими силами смастерили себе маленькую избушку. Старшие дети помогали по дому, но когда начался голод и дети стали пухнуть, все старшие и моя бабушка (ей было 10 лет) пошли работать к людям, чтобы кусочек хлеба принести маленьким. В колхозе почти ничего не платили за работу. И это они пережили (Е. К.).

Семейные родословные хранят и счастливые воспоминания о тех событиях. Эта вера в счастливое стечение обстоятельств помогала жить. Увы и ах, немодно теперь стало писать о счастливых событиях, литература наша прошествовала мимо них, а семейные родословные как раз повествуют — о счастье.

Дедушку забрали на фронт. Он даже и не знал, что его два старших сына тоже ушли воевать. Когда дед дошел до Берлина, именно там он и встретил своих сыновей Ивана и Михаила. Одержав победу, они вместе вернулись домой целыми и невредимыми. Каждый был награжден боевыми наградами (О. Н.).

Дедушка был тяжело ранен, попал в госпиталь, где ему чуть было не ампутировали ногу. Его отговорили оперироваться, «отбили» у врачей, ногу вылечила санитарка какими-то компрессами (М. Д.).

...Вернувшись домой, весь израненный, Василий свою жену не узнал. А через несколько дней на дедушку пришла похоронка. Эта похоронка еще долго хранилась в семье как залог долголетия деда (В. А.).

Тех, кто говорил по-украински, освобождали. Бабушка научила молодого казака разговаривать на ее родном языке, и он остался вместе с ней. Когда пришли наши войска, женщин и детей отправили на родину. Их погрузили в три машины. Когда они переправлялись через реку, мост взорвался, и одна машина упала в воду. Дедушка не знал, осталась ли жива Александра или нет. Только лишь в июле 1946 года он вернулся с войны и первым делом заехал в украинское село узнать о судьбе любимой. Там он встретился не только с Александрой, но и с маленьким сыном Иваном. Забрав

³ Елена Ржевская. «А что, если так писать...» из двух тетрадей (1970–1971) // Знамя, 2019, № 10. С.137.

жену и сына, поехал на родину. Счастливо зажили они в казачьем крае. Построили дом, он до сих пор стоит на берегу реки — бревно к бревну, блестит на солнце его железная крыша. Рождались дети... (Е. З.)

Ну, конечно же, незабываемым счастьем была встреча с родными, и здесь уже повествование становится почти художественным.

Николая Константиновича забрали на фронт. Он принимал и отправлял военные поезда, сам участвовал в военных действиях. Каждый день, каждый час ждала его семья весточки, с каждым разом замирало сердце, когда приходила почта: ни черкнул ли пару строк любимый муж и отец. А какая боль жила в душе: как он там, не ранен ли, не убит ли? Но на этот раз судьба была благосклонна. Летним, солнечным днем, когда шелест листьев и трели птиц ласкают слух, вдалеке Аннушка увидела знакомые черты лица: огромный чуб, светлые, но с невыразимой болью глаза, которые были наполнены в то же время счастьем. Анна дождалась. Это был он. Она выбежала к нему навстречу. Это расстояние показалось ей вечностью, она боялась, что это все ей кажется, что это сон. Когда она оказалась в его крепких объятьях, ей и тогда с трудом верилось, что все закончилось. Взявшись крепко за руки, они так дошли до дома и пообещали друг другу, что теперь не расстанутся никогда (Е. Н.).

В конце войны в 1945 году все село работало в поле, мимо шел военный человек и сказал: «Идет ваш земляк с города Харькова, пешком, растер ноги, рука раненая, шел с ним. Меня забрала машина, а он идет. Просил передать, что он с хутора Пенки, зовут его Иваном». К сожалению, тогда на хуторе было два Ивана, на одного пришло извещение о гибели, а на другого нет. И моя прабабушка подумала, что этот Иван не наш. Тогда люди взяли лошадь и поехали за ним. Работа в поле закончилась, все возвращались в село, неожиданно увидели раненного в руку солдата, он шел, немного прихрамывая. К великому удивлению всех сельчан, домой возвращался мой прадедушка Иван (М. С.).

А потом пришла Победа. Как ее ждали! Каждый солдатский треугольничек прочитывали всей улицей, и каждая женщина надеялась, что ее муж вернется домой целым и невредимым. Прошел победный май, за ним — июнь, июль. Вернулись в родные дома уцелевшие мужики, а известий от прадеда Николая все не было. Все жители села от мала до велика работали в поле: началась жатва. Женщины серпами срезали колосья, связывали их в снопы. Дети крутились здесь же. Дальше рассказывает дедушка: «Вдруг вижу: со стороны Лозно-Александровки по дороге идет солдат. Очень ярко в памяти: по одну сторону зеленый лес, по другую — желтое пшеничное поле, вверху — голубое небо, и на этом фоне — фигура мужчины в гимнастерке. Женщины бросили серпы, замерли. Чей? И вдруг среди этой звенящей тишины раздался крик мамы: „Михайло!“. Это был мой отец. А я его совсем забыл за эти годы» (М. К.).

За счастье повидать близкого человека надо было платить, и платить сверхнапряжением, жестким усилием воли, но кто мерил, кто считал эту плату, коль за нее полагалась встреча с родными?

Лагерь был основан немцами на территории Старого Оскола. Продуктов там не хватало. Дед заболел тифом, думали: не выживет. Бабушка, узнав, где находится дед, стала носить сухари в лагерь. Она ходила туда через день, преодолевая более пятидесяти километров за день (Е. З.).

Началась война. Ребят забрали на фронт, распределили по вагонам и увезли, оставив их семьи в постоянном напряжении и страхе получить с фронта страшное

письмо. А ведь так и случилось! Восемь! Восемь сыновей, красивых, трудолюбивых, честных! Каждого девять месяцев носила под сердцем, терпела мучительные боли, потом столько ночей не спала, ухаживая, поднимая их на ноги, многострадальная мать. И ни один не умер в младенчестве, что было частым явлением в те времена, и все выросли здоровыми, высокими, статными, на радость отцу и матери. Кому как не матери больнее всего получать одну за одной похоронку, после которой сердце рвется на части, глаза застилает черная пелена и хочется кричать нечеловеческим голосом! Вернулся только один — Макар, Макарушка... Как радовалась Наташка! Как она бросилась ему на шею, едва он сошел с поезда! Мать стояла рядом, терпеливо дожидаясь, когда стихнут Наташины эмоции, и лишь потом сильно прижала Макарку к себе и так стояла, не отпуская его, зарылась лицом в его прокуренную шинель, и только плечи вздрагивали, и голова все сильнее зарывалась в его широкую грудь... (М. Г.).

Счастье часто выстраивалось как избегание несчастья, когда ты по идее должен погибнуть, но ты парадоксально спасен. Это военное счастье нередко сопровождалось, шло бок о бок с несчастьями других людей. Здесь вступал в силу Его Величество счастливый случай, который и сберег родственника, счастливый случай опять и опять проявлял себя, бывал в действии.

В 1943 году моя бабушка пошла учиться на тракториста, выучившись, вернулась в родное село, где работала на стареньком тракторе, на котором днем и ночью распахивала плохо разминированные поля. Сколько раз она своим плугом цепляла противотанковые мины! Сколько раз на ее глазах разрывало ее напарниц! Но она не уходила оттуда, работая до конца войны и после войны... (Л. В.).

Так как он еще не подходил по возрасту (ему было 13 лет), на фронт его не взяли. В 1943 г. он закончил краткосрочные курсы минеров и в 16 лет ходил по минным полям Белгородской области, разминировав наши поля от страшной «начинки». Многие подростки подрывались, но моего дедушку миновала такая участь (Г. К.).

После победы мужчины возвращались с фронта домой героями. Шел героем и дошедший до Берлина Куприянов Юлиан Максимович, капитан, с тремя своими детьми, мать которых унесла война. Во время бомбежки она с детишками пряталась в погребе. Старший сын побежал за водой, а мать, до пояса высунувшись из укрытия, смотрела за ним. Поблизости разорвался снаряд. Им-то и убило мальчика, а его матери осколком снесло голову. Куприянов со своим уцелевшим семейством попросился на постой в дом по улице Коммунистическая. Там, без крошки хлеба, но с крашенными губами сидела на печке Симочка с Володей. Нетрудно догадаться, что молодой капитан и молодая докторша создали новую семью (С. К.).

От бабушки я узнал, как немцы его расстреливали. Его отделение было послано в разведку. Зашли они в село, спросили, есть ли немцы. Местные жители ответили, что нет. Они и расслабились, выпили, покушали да и заснули. Проснулись от яркого света и лающей немецкой речи, их вывели во двор, заставили выкопать братскую могилу, поставили на край и дали залп. Дед очнулся уже в яме. Сверху лежали убитые товарищи, слегка присыпанные землей, он выбрался и дошел до своей части (Г. Ж.).

Прадед вернулся невредимым, а вот дедушку моего ранило. Прожил он с осколком в груди еще почти пятьдесят лет (А. Ф.).

Эти счастливые события были выстраданы, память сберегла и некоторые спасительные хитрости тех лет, тоже отраженные в родословных.

Гитлеровцы давали пленным неочищенную вареную гречку, от которой многие умирали. А дедушка спасся потому, что по совету сначала жевал гречку, потом высасывал, выплевывая шелуху. Это кошмар длился четыре года. И вот при росте 190 см дедушка стал весить 46 кг (Н. Ч.).

А в это время Мария, работавшая в столовой и иногда кое-что приносявшая к поездам с ранеными на вокзал, стоя на своей станции, высматривала очередной эшелон. Ни она, ни тем более дед не догадывались, что их встреча более чем близка... Она заметила его в последнем вагоне, когда поезд уже отходил, набирая обороты и увозя любовь всей ее жизни куда-то вглубь необъятных казахских степей. Где она нашла деньги и полуторку, как сумела нагнать поезд на следующей станции и найти своего Савву, остается чудесной загадкой. Хотя мне кажется, что и тут не обошлось без тех заветных трех рублей (О. У.).

Когда немцы заняли Ракитное, она и ее сестры мазали ноги чесночным соком, имитировали болезнь. Кожа съеживалась, сок чеснока темнел. Бабушка говорит, что ноги жгло, но все это стоило того, чтобы не быть угнанной в Германию (Е. А.).

Не обошлось в таких испытаниях и использованием «доброхитростной мудрости», как в следующем примере.

Мой дед Иван в голодные годы собирал колоски, за это его бригадир избил, связал и на лошади гнал пятнадцать километров в милицию. Там его, связанного, бросили как вредителя и кулацкого сына в подвал, да и забыли о нем. Через четыре дня в подвал бросили очередную жертву и увидели связанного четырнадцатилетнего «вредителя», моего дедушку. Тут же отпустили, а мать сутками искала его по оврагам и балкам. <...> Когда началась война, дедушке Ивану было семнадцать лет, и он доставлял повестки из военкомата в сельский совет. Однажды вместо повесток был дан список с фамилиями. Дедушка и дописал обидчика — бригадира в этот список. И отправился бригадир воевать теперь уже с врагами внешними, с внутренними он повоевал с успехом. Нет давно участников этих событий. Дедушка Иван расписался на стене рейхстага «Иван Бондарь из Воронежа (местность тогда входила в Воронежскую область). Когда я слышу эту историю, то уже не испытываю чувства ненависти ни к этим людям, ни к тем событиям, но прошлое — серьезный учитель (О. Б.).

Выступая по каналу «Культура» («Линия жизни»), современный писатель Евгений Водолазкин произнес следующее: «Я вам скажу: пишите, записывайте все мелочи! Потому что ваши дети будут, не отрываясь, все это читать!» Да, писатели о войне пишут, много пишут, но именно в мелочах высвечивается подчас самое главное, то, мимо чего иногда проходит военная проза. «С ранних лет мы растем в сознании, что большое — важнее, чем малое» — это слова Януша Корчака о детях⁴, но ведь мысль о значимости мелочей в жизни носит едва ли не методологический характер.

Она рассказывала, что у нее были черные волосы и вплетены в них красные ленты, но кто-то из женщин сказал, что немцы не любят красный цвет и расстреливают тех, у кого есть что-либо красное. Бабушка быстро расплела волосы маме и спрятала куда-то ленты. Мама потом иногда вспоминала этот случай и говорила о том, что больше никогда не видела тех лент (Н. Г.).

Затем был призван в армию во время Финской войны. Есть легенда (семейная), что благодаря лысине, приобретенной после тифа в гражданскую войну, дедушку

⁴ Я. Корчак. Как любить ребенка. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2009. С. 6.

нашли, когда рядом взорвался снаряд, и землей присыпало до этой самой лысины так, что видно было только ее (М. Д.).

В 1943 году, когда фашисты входили в село, детвора на улице бросилась враспынную. Мой папа, будучи совсем маленьким, поспешил домой через дорогу, испугавшись колонны танков. Споткнулся... Упал прямо перед надвигающейся машиной. Казалось, это был конец, будущего не будет... Но нет. Танки один за другим, меняя траекторию движения, объезжали плачущего мальчишку (Т. М.).

...Во время войны бабушке было тринадцать лет. Был голод, и они с другими ребятами бегали из дома в дом. В одном доме им дали кусочек хлебушка, в другом чуточку вареной картошки. Один раз им повезло. В одном доме их накормили петухом, при этом хозяйка приговаривала: «Ешьте, детки, правда, петух был коростовый-коростовый, вот нам и пришлось его зарезать». Но они ели и такое мясо, потому что другого не было (М. К.).

Бабушку мой папа помнит плохо, зато хорошо помнит, что жизнь ему спасла именно она, когда он босоногим мальчиком пел немцам песню «Катюша». Немцы решили убить мальчика, а ему было всего четыре годика. Бабушка откупила его за банку самогона и спрятала у знакомых, так как в ее доме жили немцы (Л. И.).

А вот рассказ о встрече с Сергеем Лемешевым. Мелочь? Может быть, но мелочь памятная, запомнившаяся надолго, на всю жизнь.

После ранения и госпиталя попал в разведку. На фронте судьба свела его со знаменитым Лемешевым, больше недели жившим в блиндаже с солдатами, среди которых был мой дед. Дедушка не раз вспоминал те дни, когда он общался с Лемешевым (М. Т.).

Родословные хранят и великодушное отношение к немцам, стремление в чем-то поучиться у врагов.

Немецкий солдат говорил прабабушке, что пусть Гитлер сам повоевал бы со Сталиным, тогда и не воевал бы он с русскими. Солдат выглядел усталым, и глаза были у него грустные (И. Л.).

А дедушка Сережа ушел на фронт и дошел до Германии. Имел награды и часто рассказывал внукам, как за границей побывал, как мужики там свою землю любят, говорил, что можно было кое-что у немцев перенять (Т. С.).

Когда во время Великой Отечественной войны немцы пришли в наше село, прабабушка помогала им продуктами (немцы побирались по домам, просили что-нибудь съестное). Прабабушка когда картошки им даст, когда яиц, несмотря на то, что у нее было пять детей. Немцы полюбили ее, приходили помогать ей срезать лен, пасти скот и т. д. А когда им было приказано отступить, немцы оставили прабабушке некоторые свои пожитки. Вот о такой дружбе с немцами поведала мне прабабушка (М. П.).

По чистой случайности она попала в хорошую немецкую семью, где ухаживала за коровами, носила молоко на приемный пункт, обрабатывала огород, выполняла всю работу по дому. Труд ее был тяжелый. Она вставала в пять часов утра и ложилась поздно. Но она хвалила семью немца. Ее не били, кормили не в сарае, а в доме. (Всем русским работникам запрещалось сидеть за одним столом с немцами. Исполнение этого закона строго контролировалось полицейскими. Хозяйка дома позво-

ляла себе есть стоя, а бабушку Лиду сажали за стол. Когда приходил полицейский, они менялись местами) (Л. Н.).

В поселок, где была (угнанная в Германию) бабушка Лида, первыми пришли американские войска. Русские знакомые привели американских солдат к ее хозяину, чтобы убить его. Она не растерялась. Встала перед немцем, которого уже поставили к стене для расстрела, заслонила его руками и кричала: «Нет! Он хороший!» В то время она могла уже хорошо разговаривать по-немецки. И только этот случай остался в живых немца. Об этом бабушка Лида всегда вспоминала со слезами (Л. Н.).

Бабушка награждена многими боевыми наградами, в том числе и орденом Красной Звезды. Много боли и горя в ее рассказах. Она рассказывала не только о том, как выносила раненных из-под обстрелов и с поля боя, но и о том, какими внимательными были советские солдаты к жителям поверженной Европы. О том, как выхаживали детей, оставшихся без родителей, больных и немощных людей. Из ее рассказов я поняла, что, какие бы несчастья не принесла нам война, советский народ не очерствел душой (Н. П.).

В сочинениях по истории рода маловато описаний, но если они есть, то они красноречивые, говорящие, знаковые.

В семилетнем возрасте отец впервые пошел в школу. Сумкой для учебников служила сумка от противогаза, пальто было перешито из солдатской шинели, обувь была сшита из голенищ кирзовых солдатских сапог (Е. Ц.).

Я помню темно-коричневые узловые следы прежних ран на мышцах его рук, спины и ноги. Позже я прочитал документы о его длительном госпитальном лечении (В. П.).

Интонация в сочинениях по истории семьи обычно сдержанная, но иногда прорывается искренний пафос. В 2014 году в Курске была защищена диссертация, в которой говорилось, что такие слова, как «честь», «достоинство», «нравственность», утрачивают свою былую силу⁵, а «патриотизм» ассоциируется с давно пережитым временем. Нет, военные события в рассказах наших предков возвращают всем этим словам их силу, прежнюю их значимость.

Дед считал, что героических подвигов он не совершал, хотя каждый день, прожитый в огненном кошмаре, — это уже подвиг (Л. Д.).

И, вот однажды, когда я первый раз увидела книгу «Солдаты Победы» и прочитала там фамилии родных (может, это и однофамильцы), меня охватили чувства, которые нельзя выразить одним словом: это и боль, и радость, и гордость. Боль за украденное детство моих бабушек и дедушек, радость за тех родных, кто прошел страшное пекло войны и возвратился домой с победой. Я горжусь ими, горжусь своими родными! (К. Л.).

Я и теперь читаю письма родных к бабушке в военные годы с особым трепетом: «Симочка, родная, держись! Бог не оставит нас своей милостью, наша Армия победит!» Звучит парадоксально. Эти люди все так же великодушны и милосердны (С. К.).

⁵ Е. Н. Кондратенко. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) // Дис. канд. филол. наук. — Курск, 2014. С. 103.

Самураи теснили русских к самому обрыву, но люди в плен не сдавались. «Только не позор!» — кричали они. Расстреляв все патроны, люди выходили на край обрыва и кидались вниз. Ни один не сдался. Русское мужество ошеломило врагов. И только после японский офицер, подойдя к обрыву, сказал своим солдатам: «Учитесь умирать...» (С. И.).

В один из зимних солнечных дней военнопленных построили в один ряд и начали делить на группы. Один шел налево, другой направо. Того, кто шел направо, отправляли в газовую камеру, кто шел налево — оставались стоять на месте. Когда очередь дедушки была недалеко, он начал считать, куда ему (выпадет) идти. Один раз посчитал: налево, другой раз — направо, и так он считал несколько раз. (Прошло много лет, но дедушка не мог вспоминать об этом спокойно). За дедушкой шел старик. Когда дедушке пришла очередь идти в газовую камеру, старик толкнул его в другую сторону, а сам пошел вместо него. Дедушка так и не знает, кому он обязан своей жизнью (А. Д.).

Мы привели лишь малую толику сочинений, точнее, фрагментов из сочинений взрослых людей. Спрашивается, зачем «ворошить прошлое»? А затем, что это надо обществу в целом, причем далеко не только бывшему советскому обществу. Хорошо бы собрать эти сведения в многотомную энциклопедию Великой Отечественной войны. Была бы значимая и весьма поучительная книга. Но это не все. Все эти родословные, фрагменты из них, касающиеся войны, остро необходимы и нам самим.

Во-первых, потому что эти отрывки сохранены. В романе Захара Прилепина «Обитель» есть такая мысль: «С другой стороны, что есть истина, как не то, что помнится. Истина — это то, что помнится»⁶. В своей статье Г. Гусейнов цитирует А. и М. Митгерлих: «Повторение внутренних дебатов и их критический [групповой и национальный] разбор необходимы для того, чтобы преодолеть сопротивление инстинктивно и подсознательно действующих сил психической самозащиты в виде забвения, фальсификаций, проекций и других оборонительных устройств»⁷.

Во-вторых, памятные фрагменты родословных необходимы в наше невоенное время для самостояния. «*Вот и все. Смежили очи гении. / И когда померкли небеса, / Слово в опустевшем помещении / Стали слышны наши голоса. / Тянем, тянем слово залежалое, / Говорим и вяло и темно. / Как нас чувствуют и как нас жалуют! / Нету их. И все разрешено*». Автор этого стихотворения Давид Самойлов писал о смерти Анны Ахматовой, но ведь поэзия в отличие от прозы всегда многозначна, и эти слова прекрасно подходят к нашей памяти о войне: «*Нету их. И все разрешено*». Говорят же еще: нет героев — нет родины.

И третья причина — это уроки на будущее. «У меня есть подозрение, что это эволюционный механизм, который заставляет нас интересоваться частной жизнью других людей. Потому что это повышает наш опыт, нашу безопасность и наше умение ориентироваться в социальных сетях... Мы так вырабатываем приемлемые и неприемлемые паттерны поведения», — считает Линор Горалик⁸.

Так что прошлое, сколько бы лет ему не было, продолжает жить в нашей памяти как идущий из истории рода образец, кодекс, эталон сегодняшней жизни действительно Бессмертного полка.

⁶ З. Прилепин. Обитель: Роман // Наш современник, 2014, № 5. С.10.

⁷ Mitseherligh Alexander, Mitseherligh Margarete. Die Unfähigkeit zu trauern, 20. Auflage. München, 1988. S. 24–25.

⁸ Истории Линор Горалик. Автор и собиратель историй — о том, почему они так важны // Colta.ru. 2019. 6 августа. См.: Новый мир, 2019, № 10. С.228.